Общероссийский Монархический Фронт

ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ БОЛЬШЕВИЗМА ТОЛЬКО ЦАРЬ СПАСЕТ РОССИЮ ОТ НОВОГО ПАРТИЙНОГО РАБСТВА

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires Argentina

"NUESTRO PAIS"

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 623.718

Correo Central B. Argentina

FRANQUEO PAGADO
Concesión Nº 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XI Buenos Aires, Jueves, 21 de enero de 1960 ● Буэнос Айрес, четверг 21 января 1960 года № 521

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

128. СОВЕТСКАЯ ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ЗА ИСТЕКШИЙ ГОД. — ТОПТАНЬЕ НА МЕСТЕ ЯВЛЯЕТСЯ ПРИЗНАКОМ СЛАБОСТИ ДИКТАТУРЫ СТАЛИНСКОГО ПОСЛЕДЫША ХРУЩЕВА И СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ О НАРАСТАНИИ ВНУТРЕННЕГО СОПРОТИВЛЕНИЯ СОВЕТСКОМУ РЕЖИМУ. — ЦЕРКОВЬ СОВЕТСКАЯ И ПОТАЕННАЯ НА ПОРОГЕ НАСТУПАЮЩЕГО ГОДА.

Ввиду наступления нового 1960 года и отсутствия сенсационных событий за последние две недели мне кажется более интересным для наших читателей по примеру прошлых лет, окинуть взором те события, которые волновали русских людей на нашей родной земле и за которыми с трепетом следили мы из нашего рассеяния.

Начну с обзора советской внешней политики, ее достижений и провалов. Если мы будем судить об истекшем годе по его результатам, то баланс советских успехов и поражений можно свести к нулю; ни одной цели не достигнуто, ни одна позиция не сдана. На самом деле, прошлый год начинался под знаком советского ультиматума относительно Берлина; западным союзникам было предложено убраться к весне, ожидалось либо занятие германскими коммунистами Западного Берлина, либо заключение сепаратного мира СССР с немецким сателлитом и переход к германским коммунистам контроля над сношениями союзников с Берлином. Многие западные дипломаты уже готовы были уступить и оставить в Берлине лишь символические воинские части размере роты от каждой западной державы и подчиниться контролю своего транспорта германскими коммунистическими полицейскими, признавая их не администрацией Восточной Германии, а "представителями советской администрации". Твердость Аденауэра, поддержанная не только де Голлем, но и частью американских дипломатов и еще более генералом Норстадом, привела к провалу всех планов Хрущева. После воспетых поездок Микояна, Хрущева и Козлова в САСШ "воз и ныне там";союзные гарнизоны попрежнему занимают Берлин в зап. его части; Аденауэр не принимает своих земляков, ставших хрущевскими холопами в Панкове, а сейчас узнаем, что пресловутая "Конференция четырех", которую Хрущев требовал созвать весной прошлого года, состоится, с годовым опозданием, весной 1960 года, причем Хрущев отказался от требования пригласить на конференцию представителей обеих Германий, чтоб узаконить правительство Гротеволя в глазах союзников, и от всякого участия в обсуждении германской проблемы своих холопов из Варшавы и Праги.

Поездки Микояна, Хрущева и Козлова и советская выставка в Соед. Штатах ничего не дали; чтоб замаскировать отсутствие результатов, советская печать кричит о личном миролюбии хрущевского друга Айзенхауэра и ругательски ругает не только его советников, но и обоих возможных преемников — Никсона и Рокфеллера, а также демократических кандидатов на пост президента. Единственным результатом хрущевской поездки является попытка изобразить внутри СССР диктатора в качестве приемлемого для Запада преемника Сталина, который сумеет как-то объегорить американцев и спасти СССР от войны, которой страшно боятся. Поэтому-то Хрущев так обрадовался западному предложению о серии встреч: в Париже, в Москве, Вашингтоне и Лондоне. Теперь можно внушить в ЦК своим оппонентам, что Хрущев должен остаться надолго (до гроба?) диктатором, чтоб гарантировать успех не одной, а целой серии конференций, которые обеспечат СССР отказ Запада от войны, пока СССР не опередит их в вооружениях и не взорвет их единство подрывной работой. Поэтому он позволил себе в конце года хамскую шутку — послать свое согласие на встречу в Париже именно в сочельник, чтоб заставить западных министров и дипломатов поработать в день Рождества; представляю себе, как Хрущев приказал Громыке: "послать эту ноту в праздник; пусть лучше сидят в первый день Рождества над ее переводом и изучением, чем своего Христа славить!" Но в Соед. Штатах все больше понимают необходимость единства в период этих конференций и поэтому Рокфеллер снял свою кандидатуру на президенство, чтоб обеспечить победу Никсона, которого в СССР большевики боятся больше всех других возможных преемников Айзенхауэра.

Впрочем в одном секторе советская дипломатия одерживает несомненные успехи: в Объединенных Нациях Западные державы чувствовали себя 13 первых лет прочно, обладая абсолютным большинством в Общем Собрании и 10-ю голосами против одного голоса СССР в Совете Безопасности. В этом году положение резко изменилось: хрущевское предложение обсудить советский проект разоружения было принято единогласно и американцы смогли только предложить передать его особой комиссии для изучения. Затем вступление новых членов, как Гана и Гвинея, усилило афро-азиатский блок, который играет роль "третьей силы" между Западом и СССР. Франция попала в тяжелое положение при обсуждении алжирского вопроса и нанес ей удар делегат Пакистана — богатейший Али-хан, преемник знаменитого любовницами, женами и скакунами Ага-хана. Он выступил от имени афро-азиатского блока вместе с советским блоком сателлитов против Франции. Соед. Штаты вынуждены были воздержаться от поддержки своего союзника де Голля, чтоб не потерять популярности в глазах растущего ежегодно афро-азиатского блока. Ведь Соедин. Штаты — союзник Франции против коммунизма, но вовсе не против ислама, арабов и негров, как хотел бы де Голль. В наступающем году появятся новые члены Объединенных Наций: Нигерия, Федерация Мали, Сомали получат право голоса и войдут в этот блок, увеличивая его численность. Перед зап. дипломатией встанет тогда трудный вопрос: принять ли советскую теорию неравноправия народов, по которой судьбы мира должны решать максимум 5 держав: СССР, Красный Китай, Соед. Штаты, Англия и Франция, или же стоять за полное равноправие всех участников Объединенных Наций независимо от размеров и мощи государства. Сначала Западу была выгодна вторая теория, по которой многочисленные республики Латинской Америки и малые нации Европы давали американцам солидное большинство против СССР с сателлитами даже если к СССР присоединялись афро-азиатские страны. Но теперь численный перевес переходит к афро-азиатскому блоку, который вместе с советскими странами имеет большинство. Результат уже сказался в выборе в Совет Безопасности советского кандидата — Польши, вместо западного — Турции. Отныне всякое советское предложение в Совете Безопасности будет поддержано Польшей против 9 сторонников Запада. Англо-американская дипломатия поняла опасность и стремится привлечь на свою сторону антикоммунистические правительства афро-азиатских стран: недаром Айзенхауэр посетил Анкару, Тегеран, Карачи, Дели, Кабул, Тунис и Рабат. Препятствием, ослабляющим сближение между НАТО и арабско-африканским растущим блоком, является непримиримость Франции в алжирском вопросе, который может быть козырной картой в советской игре против Запада.

●

Советская внутренняя политика за истекший год характеризуется топтанием на месте, что особенно ярко показал XXI съезд партии. Подготовка к съезду шла под знаком бешеной кампании против "пресловутых антипартийцев"; на съезде каждый оратор от них отрекался; ленинградец И. В. Спиридонов требовал выступления на съезде "подсудимых", во главе с Маленковым, которого обвиняли в расстрелах ленинградских вождей партии в 1949 г., Булганин выступил с глупой бранью по адресу Маленкова, Молотова и Кагановича и каялся в том, что их поддерживал; Первухин признался в том, что винил Хрущева в "законодательном зуде" и "реформах с тенденцией", т. е. в упразднении министерств с целью удаления из Москвы маленковцев; Кузьмин прямо винил Первухина в многолетнем саботаже в промышленности и... после всех страшных слов все осталось по-старому: Булганин и Сабуров остались в ЦК; Перхувин остался кандидатом президиума и послом в Берлине; никого не исключили из партии и Хрущев провел предложение о сохранении наличного состава ЦК до следующего съезда, который отложен на 1961 г., значит большинство ЦК не позволило Хрущеву исключить из партии и отдать под суд Маленкова, как это было с Берия, ибо все боятся, что расправа с Маленковым явилась бы прецедентом и сигналом к расправе с наличным составом ЦК, как это сделал Сталин с ЦК, избранным в 1934 г. на XVII съезде партии; теперь всякий рядовой член ЦК раздумывает: позволить Хрущеву казнить Маленкова, не значит ли дать завтра ему полномочие на казнь Молотова, Кагановича, за ними маршала Жукова, Булганина, Первухина и Сабурова, а затем, мол, и я сам попаду в очередной список? Поэтому пусть Хрущев упражняет Шелепина в расстрелах власовцев, уже отбывших свое заключение, или непокорной молодежи под кличкой хулиганов. Но члены ЦК должны быть неприкосновенны и не подлежать аресту даже если они виновны в расстрелах десятка оклеветанных ими партийных вождей, как Маленков, который уговорил Сталина расстрелять члена политбюро Вознесенского, члена оргбюро А.А.Кузнецова и ленинградцев: Папкова, Левина и др.Смелый Маленков после смерти Сталина пошел на арест и расстрел Берия и его сподвижников: Меркурова, Деканозова, Абакумова, Гоглидзе, Багирова; но Хрущев слишком труслив, чтоб ультимативно потребовать от ЦК голову хотя бы одного Маленкова, который, поэтому, в случае краха Хрущева еще может вернуться к власти и сразу же расстреляет Хрущева со всей его сворой: Кириченко, Брежнев, Кириленко, Шелепин, Игнатов, Куусинен, Полянский, Подгорный.

Топтанье на месте проявляется во всех вопросах внутренней политики: дальнейшее заселение целинных земель идет в очень пониженном темпе; школьная реформа застряла на полпути: совнархозы все более урезываются в правах и новоиспеченные комитеты и отделы Госплана СССР опекают совнархозы не меньше прежних министерств. Даже при изменении состава правящей клики Хрущеву приходится капитулировать: изгнанный с треском из Москвы преемник Хрущева по руководству всей партийной организацией столичной области Ив. Вас. Капитонов возглавляет крупную Ивановскую организацию; Игнатова назначили председателем совета министров СССР с оставлением секретарем ЦК и через полгода отобрали от него совет министров, ибо это мешает его работе секретарем ЦК. Невольно напрашивается мысль: не выходит ли отсюда, что работа Хрущева в качестве премьера СССР мешает ему возглавлять партию в роли первого секретаря ЦК? Еще глупее было снимать с работы туркменского премьера Овезова, чтоб через полгода восстанавливать его премьером.

Этих, уже известных моим читателям примеров достаточно, чтоб показать, насколько ошибаются американцы и всякие их эксперты, считая Хрущева полновластным диктатором, наоборот, он лавирует, возвращает на прежние места ошельмованных им людей и крутится со своими реформами, суля народу всякие блага в будущем. Только глупые иностранцы верят при виде магазинов столичных и образцовых показательных городов в рассказы об улучшении продовольственного положения. Если бы население было сыто, то не вопил бы в декабре 1959 г. Хрущев, как год тому назад, что надо спешно увеличить производство мясных и молочных продуктов; что при этом полезно побольше питаться овощами и не покупать в магазинах много мяса или масла. Ни в одной стране мира так не кричат об изобилии всех съестных продуктов, которых производство надо, однако, все еще повышать. Когда в прошлом году говорили, что Рязанская область под мудрым водительством хрущевского любимца Ал. Ник. Ларионова перевыполнила план мясозаготовок, то можно было думать, что рязанцы вдоволь едят мясо; теперь заявляют, что они утроили заготовки мясных продуктов; но ес-

† 14-го января 1960 года, в Буэнос Айресе скончалась на 78-ом году жизни, после долголетней страшной болезни — ревматизма

НИНА ГРИГОРЬЕВНА ЧЕРНЯВСКАЯ

урожд. Лысенко

о чем сообщают убитые горем

муж, дочери, сын, внучка с мужем и правнук.

На 9-й день — 23 января, в субботу, на кладбище Чакарита будет отслужена панихида.

ли этому поверить, то куда же девается это мясо; забудем сравнение с Америкой; но никакой француз или итальянец, швед или грек не смог бы в этом году съесть в три раза больше мяса, чем в прошлом году без риска испортить свое пищеварение и погибнуть от ожирения! Конечно, растет производство мясопродуктов, как и других предметов продовольствия, но не в таких сказочных размерах; возможно, что весь рост идет на заготовки консервов для будущей войны, ибо население не видит этого изобилия. Если бы оно было, то не надо было бы Хрущеву в каждой речи кричать истерически, что следует усиливать все заготовки тех продуктов, которые имеются в изобилии в магазинах всех некоммунистических стран, где министры не посвящают свои речи призывам увеличить посевы кукурузы или картофеля и плодить побольше поросят!

Населению СССР надо сулить сытость в будущем, ибо ее нет в настоящем; поэтому-то растет народное недовольство с одной стороны и террор с другой. Чекисты пытаются заранее уничтожить и заточить те элементы, которые, судя по их прошлому или настоящему поведению, сыграют решающую роль в восстании против диктатуры. Поэтому ищут и расстреливают или "изолируют" власовцев, бывших коллаборантов и тех, кто в годы войны побывал заграницей. Как бы эти люди ни вели себя лояльно, нельзя поверить, что советская жизнь сейчас им кажется сытней и свободней той, что они видели на Западе; затем недовольство рабочей молодежи иногда проявляется так бурно, что власть отвечает массовым террором, как расстрел 6 рабочих, которые поколотили какого-то активиста, при чем лишь один явился его убийцей, о чем знают читатели. Студенты опасны своими кружками и выпуском листовок; достаточно группе студентов или молодых научных работников встречаться не на официальных заседаниях, в клубах и аудиториях, а на дому, как они получают концлагерь, как это было при Ленине или Сталине, ибо нельзя себе представить, чтоб молодежь, собравшись без шпионов и активистов не ругала бы власть и не мечтала бы об ее свержении.

Перед правительством стоит вопрос: можно ли допускать без репрессий книги в стиле писаний Дудинцева или Пастернака или последнего мной изложенного читателям рассказа Сергея Воронина? Ведь одни словесные угрозы не всякого пугают. Правда, опального писателя можно не печатать, обрекая его на безработицу; но он тогда найдет работу в министерстве или в Госуд. Комитете и будет символом сопротивления власти; поэтому одних угроз мало; их не испугались Пастернак, Дудинцев, Воронин, Решетов; больше того, мне известно, что именно обруганный роман идет на расхват, ибо все спешат с ним познакомиться. Сейчас в СССР попадает из заграницы и "Доктор Живаго" и эмигрантская литература, которая имеет привкус запрещенного сладкого плода.

Убежден, что после ругани официальных критиков ни один экземпляр сентябрьского номера "Невы" с рассказом Сергея Воронина не остался непроданным.

Пока расстрелами и арестами власть не очень хвастает, а потому многие ругают ее довольно открыто и даже Хрущеву приходилось слышать жалобы на нехватку продуктов продовольствия при своих выступлениях, на которых присутствует только избранный "актив"; сейчас газеты, наоборот, печатают, что все заявляют Хрущеву о наступившем изобилии; это можно объяснить двояко: или перед его приездом на собраниях дают понять активистам, что всякое заявление о нехватке товаров в магазинах в присутствии Хрущева будет признано антисоветским выступлением и найдет свою кару или просто Хрущев приказал не писать в газетах о подобных возгласах во время его многочисленных выступлений. Из отчетов советской печати о выступлениях Хрущева в Соед. Штатах можно легко убедиться, что советские газеты умалчивают часто то, что он сказал, или прибавляют то, что он должен был сказать, но что ему пришло в голову уже после произнесения речи. Забавно, что при передаче его споров с американскими лидерами профсоюзов он раз растерялся и за него ответил его зять А. И. Аджубей; но в советской печати ловкий ответ Аджубея приписан Хрущеву.

В обстановке глухого недовольства режимом и падения авторитета Хрущева, которому нехватает решимости Сталина или Маленкова, встречает русский народ незабытые верующими праздники, официально именуемые зимними каникулами; многие надеются, что наступающий год заставит власть пойти на уступки во внешней политике и во внутренней; но всякие частичные уступки вызовут новые требования. Хрущев ничего не выиграл от ухода советских войск из Вены и Порт-Артура, от очищения военных баз в Финляндии. В Кремле знают, что уход советских войск из Венгрии или Восточной Германии привел бы к немедленному свержению ненавистных советских холопов и ликвидации компартии!

●

Всякий русский верующий человек в эти дни переносится мыслью к Святому Событию в Вифлееме, которое не забыто у нас на родине после 42 лет гонений, научных отрицаний и клеветы; запугивали народ, запрещая праздники, замалчивали их; но невольно сама власть напоминает о них своими "новогодними" елками, украшающими площади советских городов.

За истекший год советская церковь вновь испытала политику кнута и пряника: с одной стороны власть настояла на ссылке в захолустный Ижевск любимца митрополита Николая епископа Смоленского Михаила Чуба, принимавшего последние годы иностранные делегации, с заменой его изолгавшимся советским провокатором в Белграде в долгие годы эмиграции Иоанном Сокалем; затем напечатали бранные клеветнические статьи в "Правде" против 70-летнего архиепископа Антония Ставропольского и 69-летнего архиепископа Панкратия Волынского (Кашпарука), запретили паломничество к колодцу св. Тихона Медынского и самый колодец покрыли водонапорной башней, перестали приглашать патриарха на советские банкеты в Кремль; но в то же время рад сообщить, что переданные мною слухи о закрытии Почаевской Лавры оказались ложными. Наоборот 500-летие со дня открытия мощей св. Иова Почаевского было торжественно отпраздновано, причем служил тот самый архиепископ Панкратий в сослужении настоятеля архимандрита Севастиана, которых "Правда" обвиняла в сделках с местными властями насчет обмена автомобилей. Как раз на архимандрита Севастиана указывала статья, как на выполнителя незаконных операций по обмену автомашинами и в коммерческих операциях по перевозке грузов на грузовике, отпущенном властями для театра. Значит, местные украинские власти в лице первого секретаря обкома Ив. Сам. Грушецкого и второго секретаря Ив. Ст. Климаша, обменявшего казенный автомобиль на архиерейский, сумели замять скандал и заступились за умеющих ладить с местными властями архиерея и архимандрита Севастиана; возможно, что эти местные коммунисты отстояли Лавру от закрытия, указав в Киеве и в Москве, что это вызовет недовольство населения, которое покорно выполняет всякие заготовки; архиепископ же удобен для местных властей и не следует требовать от патриарха смещения спевшегося с партийными органами старика.

Совершенно приостановлено в этом году всякое храмостроительство. Для моих читателей, которые знакомы с Уфимской губернией или по-советски Башкирской автономной республикой РСФСР, могу сообщить, что при объезде епископом Уфимским и Стерлитамакским Никоном (Лысенко) своей епархии были совершены архирейские службы в храме села Мелеуз и в молитвенных домах (т. е. в нанятых под храмы частях советских зданий или бараков) в Белорецке, Ломовке и Ишимбае-

"НАША СТРАНА" по праву гордится своею независимостью и тем, что она существует исключительно на собственные средства — на деньги, получаемые от продажи газеты, на подписную плату и на те скромные пожертвования в "Фонд Издательства", которые пополняют дефицит бюджета. Иных источников пополнения кассы газета не имеет. В связи с этим каждое промедление в расчетах, допускаемое нашими представителями и каждая неаккуратность при взносах подписной платы болезненно отзываются на ведении дела, создавая непреодолимые, подчас, трудности.

"НАША СТРАНА" обращается к г. г. представителям газеты на местах с покорнейшей просьбой погасить их задолженность на 1-е января 1960 г. НЕ ПОЗЖЕ 1-го февраля 1960 г. и очень просит г. г. подписчиков внести причитающуюся с них подписную плату за уже ими полученные номера, а также оплатить несколько номеров вперед. "НАША СТРАНА"

Денежные переводы по почте и банковские чеки просим адресовать на имя Vsevolod Dubrowsky, а не только на "Nuestro Pais", без упоминания имени ее редактора-издателя.

ве; все эти места находятся в районе новых нефтяных разработок и представляют собой быстро растущие рабочие поселки с несколькими тысячами населения, занятого в нефтедобывающей промышленности. Тем отраднее самый факт, что для этого пришлого населения открыты молитвенные дома с постоянным причтом и население повидало хотя бы раз архиерейское служение.

В епархии не осталось ни одного монастыря и открытие на всю республику трех молитвенных домов свидетельствует о том, что этого требовало население.

При всяких поощрениях антирелигиозной деятельности в России советская дипломатия настойчиво требует усиления кадров советского духовенства для внесения смуты в ряды незабываемой в Комитете Госуд. Безопасности эмиграции и для усиления подрывной работы на Западе.

Поэтому в Соед. Штатах назначен советским епископом Нью Иорка 75-летний Досифей (в миру Михаил Иваненко), моральная неустойчивость которого видна из его официальной опубликованной в "Журнале Московской Патриархии" биографии.

Иваненко кончил в 1914 г. математический факультет в Харькове и после революции стал в Уфе священником; затем снял сан и с 1927 по 1939 г. бы[illegible] профессором математики в Харьковско[illegible]

И. СОЛОНЕВИЧ 3

РОССИЯ В КОНЦЛАГЕРЕ

— У меня о вас хорошие отзывы... Но времени слишком мало. По климатическим условиям мы не можем проводить праздник позже середины августа. Я вам советую всерьез подумать.

— Гражданин начальник, у меня обдуманы все детали.

— А ну, расскажите...

К концу моего коротенького доклада Успенский смотрит на меня довольными и даже улыбающимися глазами. Я смотрю на него примерно так же, и мы оба похожи на двух жуликоватых авгуров.

— Берите папиросу... Так вы это все беретесь провести? Как бы только н а м с в а м и на этом деле не оскандалиться...

— Товарищ Успенский... В одиночку, конечно, я ничего не смогу сделать, но если помощь лагерной администрации...

— Об этом не беспокойтесь. Приготовьте завтра мне для подписи ряд приказов — в том духе, о котором вы говорили. Поккалну я дам личные распоряжения.

— Товарищ Поккалн сейчас здесь.

— А, тем лучше...

Успенский нажимает кнопку звонка.

— Позовите сюда Поккална.

Входит Поккалн. Немая сцена. Поккалн стоит перед Успенским более или менее на вытяжку. Я, червь у ног Поккална, сижу в кресле не то, чтобы развалившись, но все же заложив ногу на ногу, и покуриваю начальственную папиросу.

— Вот что, товарищ Поккалн... Мы будем проводить вселагерную спартакиаду. Руководить ее проведением будет т. Солоневич. Вам нужно будет озаботиться следующими вещами: выделить специальные фонды усиленного питания на 60 человек — сроком на 2 месяца, выделить отдельный барак или палатку для этих людей, обеспечить этот барак обслуживающим персоналом, дать рабочих для устройства тренировочных площадок... Пока, товарищ Солоневич, кажется, все?

— Пока все.

— Ну, подробности вы сами объясните тов. Поккалну. Только, тов. Поккалн, имейте ввиду, что спартакиада имеет большое политическое значение и что подготовка должна быть проведена в порядке боевого задания...

— Слушаю, товарищ начальник...

Я вижу, что Поккалн не понимает окончательно ни черта. Он ни черта не понимает ни насчет спартакиады, ни насчет "политического значения".

Он не понимает, почему" боевое задание" и почему я, замызганный, очкастый арестант, сижу здесь почти развалившись, почти как у себя дома, а он, Поккалн, стоит на вытяжку. Ничего этого не понимает честная латышская голова Поккална.

— Товарищ Солоневич будет руководить проведением спартакиады, и вы ему должны оказать возможное содействие. В случае затруднений, обращайтесь ко мне. И вы тоже, товарищ Солоневич. Можете идти, товарищ Поккалн. Сегодня я вас принять не могу.

Поккалн поворачивается налево кругом и уходит... А я остаюсь. Я чувствую себя немного... скажем, на страницах Шехерезады... Поккалн чувствует себя точно так же, только он еще не знает, что это Шехерезада...

Мы с Успенским остаемся одни.

— Здесь, товарищ Солоневич, есть все-таки еще один неясный пункт. Скажите, что это у вас за странный набор статей?

Я уже говорил, что ОГПУ не сообщает лагерю, за что именно посажен сюда данный заключенный. Указывается только статья и срок. Поэтому Успенский решительно не знает, в чем тут дело. Он, конечно, не очень верит в то, что я занимался шпионажем (ст. 58, п. 6), что я работал в контрреволюционной организации (58, 11), ни в то, что я предавался такому пороку, как нелегальная переправка советских граждан за границу, совершаемая в виде промысла (59, п. 10). С[illegible] переход границы и предусматр[illegible] 3 года, ГПУ из скромности не [illegible]

Во всю эту ахинею Успенс[illegible] чине, что люди, осужденные по [illegible] лучают так называемую, птич[illegible] терминологией, "особые указан[illegible] пересадки.

Отсутствие "птички", да е[illegible] ляются, так сказать, официаль[illegible] обвинения.

Кроме того, Успенский не [illegible] ского Уголовного Кодекса "пр[illegible] и как попало: "был бы человек[illegible]

Я знаю, чего боится Успе[illegible] шпион, контрреволюционер и в[illegible] не имеет никакого значения. С[illegible] удачный халтурщик и что где-[illegible] кой-то крупной халтуре, а так к[illegible] Уголовным Кодексом, то и при[illegible] статьи.

Это — одна из возможно[illegible] коит. Если я сорвусь и с этой [illegible] ский меня, конечно, живьем съ[illegible] шение?

Успенского беспокоит возм[illegible] квалификации. И больше ничег[illegible]

Я успокаиваю Успенского. [illegible] и сижу вместе с сыном. После [illegible] дозрения насчет неудачной хал[illegible]

— Так вот, товарищ Солон[illegible] нимаясь. — Надеюсь, что вы [illegible] Если сумеете — я вам гаранти[illegible]

Успенский, конечно, не зна[illegible] только половины, но и четве[illegible]

ПОВЕСТЬ "КТО ВРАГ?"
входит в первый том Собрания Сочинений БОРИСА БАШИЛОВА, выходящий из печати в январе с. г.

Содержание ПЕРВОГО тома:
Вместо предисловия — Казнь молчанием. Критические статьи о литературном творчестве Б. Башилова — Г. Гребенщиков, Б. Ширяев, А. А-ко.
Ночь под Рождество 1941 года — Быль.
"Кто враг?" — Повесть.
О немецких соловьях и русских могилах — Рассказ.
Бразильский муравей, маркиза де Бриз и попугай "Ванька" — Рассказ.
Надзиратели вулканов и фабриканты канареек. — Из эмигрантских былей.

Стр. XL+128. Цена Ам. $ 1.80
Заказы адресовать Издательству НАША СТРАНА"

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"НАША СТРАНА"
ИВАН СОЛОНЕВИЧ
РОССИЯ В КОНЦЛАГЕРЕ
(издание четвертое)
выходит отдельными выпусками
ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫПУСК
ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ
Цена 1 ам. доллар.

университете; ясно, что Коссиор и Постышев, Хрущев и Каганович, правившие в те годы Украиной, не допустили бы занятия университетской кафедры священником, если бы он не дал открытого доказательства разрыва с христианской верой. При немцах он сумел покаяться и в 1943 г. принял монашество в оккупированном немцами Киеве, заручившись протекцией комиссара Коха; конечно, ушел с немцами и стал епископом в Гейдельберге; переехав в Соед. Штаты, в 1951 г. он перешел в советский экзархат.

В этом же году скомпрометированный аморальным поведением архиепископ Пантелеймон Рудык перешел в советскую церковь и назначен в Канаду архиепископом Эдмонтонским и Канадским, завершив моральное падение политическим, что показывает неразборчивость советской патриархии, выдвигающей за неимением честных служителей морально скомпрометированных людей. В этом есть и политический расчет: всякому впавшему в тяжкий грех пастырю и архипастырю предлагается переход на советскую службу, где его устроят не хуже патриаршего приспешника Казем-бека.

В Западной Европе в помощь разъезжающему по всем столицам епископу Антонию Лондонскому (он успел побывать в этом году гостем советских посольств в Париже, Брюсселе, Гааге и Риме), назначен хиротонисанный в Лондоне с титулом Волоколамского и местожительством в Оксфорде епископ Василий (б. Всеволод Александрович Кривошеин, брат известного бандита "сопротивления" во Франции, высланного в СССР). Василий имел загадочные встречи с просоветскими деятелями в Афинах, Риме, Париже, инспектируя советскую агентуру в рясах, ведущую повсюду разлагательскую работу среди эмигрантов и местного населения, пользуясь поддержкой советской дипломатии.

От этих отвратительных свидетельств морального падения, прикрывающих рясой служение богоборческой власти, переношусь мысленно к нашим пастырям потаенной Церкви. Читатели знают из моих статей, что советская печать сообщила нам имена трех из них, которых пытались задержать 16-го июня ст. стиля при совершении служения у ручейка, вытекающего из застроенного башней колодца преп. Тихона Медынского; но они не одни, и не одна Калужская земля знает этих странствующих и оберегаемых верной паствой подвижников. Пусть одних арестовывают и ссылают; другие по окончании заключения выходят из лагерей и продолжают служение, зная, что и здесь на грешной русской земле их ожидают одни страдания; безбожник из редакции "Огонька" поведал нам о принявшем сан рабочем экскаватора, молодом и познавшем Бога со слов пастырей потаенной Церкви нашей. Он не один; за ним идут и еще пойдут другие, молодые люди; мне довелось встречать таких на моем пути: помню ставшего потаенным священником по выходе из концлагеря молодого моего сверстника ленинградского научного работника — сына известного еще до революции хирурга. Этот скромный и мужественный отец Василий, по слухам, погиб в ссылке; но не имея подтверждения его кончины, не решаюсь назвать его фамилию. И сейчас потаенная Церковь находит новых пастырей и умножаются в истекшем году, как и в прежние, отцы наши, "веру Христову, яко щит предлучении мира сего держащии, явленные и неявленные, Небесного Сиона достигшие", их же молитвами и подвигом да даст Господь освобождение Русской земле. Их, отдавших жизнь за нашу веру и потаенную Церковь, молят и на родине и в изгнании наши братья с нами вместе:

"Страну нашу падшую восставите и люди расточенные соберите!"

Алексей Ростов

Н. Потоцкий

К предстоящему юбилею

Осенью этого года российская либеральная и революционная интеллигенция будет торжественно праздновать пятидесятилетие со дня смерти Льва Толстого. Та самая интеллигенция, о которой он сказал, что она "внесла в жизнь народа в сто раз больше зла, чем добра", и о которой он писал: "со времени моей любви к школе я был совершенно равнодушен к правительству и **еще более равнодушен к теперешним либералам, которых я презираю от души"** (подчеркнуто мною. Н. П.). А в своей книге "Отец" А. Л. Толстая пишет: "Он (Лев Толстой) наблюдал, как в подполье зарождалась и крепла новая, страшная сила воинствующего безбожия, атеизма, социал-революционеров, марксистов, людей, обещавших новую, свободную жизнь народу. Для Толстого сила эта, отрицавшая духовное начало, была гораздо страшнее, чем царское правительство. Он видел, что так называемым интеллигентам нечего было противопоставить этой силе, **у них не было даже знания массы русского народа".**

Толстой хорошо понимал и сурово осуждал эту оторванность наших либералов от психологии и идеалов русских народных масс, их "рабское, слепое подражание" Западу, их жалкие потуги играть в парламентаризм на западноевропейский образец. "Только бы поняли вы, русские люди нашего времени, — писал он, — что мы народ **особенный** (не в смысле лучшего, а в смысле самобытного) и живем в **особенное** наше время и что нам поэтому не надо подражать другим народам, а жить своею жизнью и жизнью нашего времени". "Если русский народ — нецивилизованные варвары, то у нас есть будущность. Западные же народы — цивилизованные варвары, и им уже нечего ждать. Нам подражать западным народам все равно, что здоровому, работящему, неиспорченному малому завидовать парижскому плешивому молодому богачу, сидящему в своем особняке".

И Толстой едко издевался над парламентаризмом, над "до комизма глупой игрой в конституцию: кулуары, лидеры, формулы перехода и т. п.". "Конституционный подданный, — писал он, — воображающий, что он свободен, подобен заключенному, воображающему, что он свободен, потому что может выбирать тюремщика. Люди конституционных государств утратили понятие свободы, подданный конституционного государства, всегда признавая законность власти, под которой находится, всегда раб".

С неменьшим отрицанием и порою полным презрением относился Толстой и к нашим доморощенным революционерам. "Те, которые делают русскую революцию, — писал он, — не имеют никаких идеалов: экономические идеалы — не идеалы". "Революционерам надо сказать: нельзя воздвигать храмов неумелыми руками, да еще **нечистыми".** И если под углом зрения своего отрицания власти вообще Толстой называл царское правительство "угнетателями" (хотя при господстве этих "угнетателей" он ехал из Ясной Поляны в Севастополь в особом великолепном вагоне, с кухней, столовой, отдельными спальнями и т. п.), то и в революционерах он видел тех, которые "только еще хотят быть угнетателями".

Как несомненно чуткий человек, он отлично чувствовал всю фальшь, всю духовную импотентность революционной пропаганды. О прокламациях Герцена, этого отца церкви наших либералов, он писал: "Я их презираю и не имею терпения дочитать их от скуки. Прокламации и "Колокол" я так и отдал не прочтя. Мне это скучно, я все это знаю и **презираю от всей души".** И даже искренняя и чуткая русская молодежь часто, при соприкосновении с реальной русской жизнью и с духовными потребностями широких масс русского народа, сразу же отталкивалась от этой лживой и беспочвенной пропаганды, о чем свидетельствует сам Толстой. Когда он организовал школу для крестьянских детей в Ясной Поляне, у него было 12 молодых помощников учителей. "Все 12, кроме одного, оказались отличными людьми; я был так счастлив, что все они согласились со мной, подчинились не столько моему влиянию, сколько влиянию среды и деятельности. Каждый приезжал с рукописью Герцена в чемодане и с революционными мыслями в голове и каждый, без исключения, через неделю сжигал свои рукописи, выбрасывал из головы революционные мысли и учил крестьянских детей священной истории, молитвам и раздавал Евангелия читать на дом. Это факты".

Толстой как бы предчувствовал, во что превратятся в действительности красивые слова революционеров, если они дорвутся до власти. Наблюдая революцию 1905 г., он писал: "Как ярко выразилось на революционерах, когда они начали захватывать власть, обычно развращающее действие власти: самомнение, гордость, тщеславие и, главное, **неуважение к человеку".** И один из самых близких его друзей — "толстовцев", Н. Н. Страхов писал Толстому после убийства Императора Александра Второго: "Бесчеловечно убили старика, который мечтал быть либеральнейшим и благодетельнейшим царем в мире. Теоретическое убийство, не по злобе, не по реальной надобности, а потому, что в идее это очень хорошо. Нет, мы не опомнимся. Нужны ужасные бедствия, опустошения целых областей, пожары, взрывы целых городов, избиение миллионов, чтобы опомнились люди. А теперь только цветочки".

Но не приложил ли своей руки к взращению этих "цветочков" и сам "великий писатель Земли Русской"? Не в духе ли самых худших прокламаций Герцена написаны Толстым эти строки, годные для любой прокламации социалистов-революционеров или большевиков той эпохи, строки, написанные им о жизни в городе: "Вонь, камни, роскошь, нищета, разврат. **Собрались злодеи, ограбившие народ, набрали солдат, судей, чтобы оберегать их оргии и — пируют!"**

А если он осуждал наших либералов и революционеров за их оторванность от русской действительности, за их незнание стремлений своего собственного народа, то такую же беспочвенность проявил он и сам в важнейшем вопросе тогдашней русской жизни — в вопросе земельном. Проповедуя, что главное ее зло, это — право земельной собственности, которое необходимо полностью уничтожить, он написал горячее письмо в этом смысле А. П. Столыпину, убеждая его не уничтожать принципа общинного землевладения. Чрезвычайно интересен ответ ему Столыпина, который, вероятно, неизвестен многим из наших читателей:

"Вы считаете злом то, что я считаю для России благом. Мне кажется, что отсутствие собственности на землю у крестьян создает все наше неустройство. Природа вложила в человека некоторые врожденные инстинкты, и одно из самых сильных чувств этого порядка — чувство собственности. Нельзя любить чужое наравне со своим и нельзя обхаживать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании, наравне со своей землей. Искусственное в этом отношении оскопление нашего крестьянства, уничтожение в нем врожденного чувства собственности, ведет ко многому дурному,а, главное, к бедности. А бедность, по мне, худшее из рабств. И теперь то же крепостное право, за деньги вы можете так же давить людей, как и до освобождения крестьян. Смешно говорить этим людям о свободе, или о свободах. Сначала доведите уровень их благосостояния до той по крайней мере наименьшей грани, где минимальное довольство делает человека свободным. А это достижимо только при свободном приложении труда к земле, т. е. при наличии права собственности на землю".

Что в этом споре прав оказался не Толстой, а Столыпин, показала сама жизнь, когда в предреволюционные годы русское крестьянство, получив все возможности приложить к **своей** земле свой свободный труд, пошло по пути непрерывно прогрессировавшего материального благосостояния, а с ним стала богатеть и вся Россия.

***

Мы, русские офицеры, помянуть добрым словом на предстоящем юбилее Льва Толстого по чистой совести не можем. Если между большинством русской интеллигенции и русским офицерством до революции образовалась отчужденность, если эта интеллигенция вела против офицерства низкую и недостойную травлю, не скупясь по его адресу на такие эпитеты, как "опричники", "дармоеды" и даже, устами Бальмонта объявляя русскому офицеру, что он "сопричислен к злодеям", то громадную долю ответственности в этом отношении несет именно Лев Толстой. Его, с позволения сказать, "философские" мудрствования о христианстве и патриотизме, а в особенности его чудовищные по своему духу разлагательства "Солдатская" и "Офицерская" памятки принесли немалую пользу революционерам в их усилиях отравить дух нашей Армии, переломать ее духовный костяк, состоявший в честном и самоотверженном служении ее вековому лозунгу "За Веру, Царя и Отечество". И если этот активный союз Льва Толстого с революционерами привел только к немногим случаям военных мятежей в годы первой революции, а в последующие годы потерял почти полностью свое разлагательское влияние в наших Армии и Флоте, то это нужно объяснить только здоровым национальным инстинктом широких масс русского народа, посылавших своих сыновей на службу Царю и Родине, и растущей культурностью русского кадрового офицерства, помогавшей ему легче разобраться в фальши и нежизненности революционной пропаганды, что особенно ярко отметил П.Н.Краснов в своем романе "От Двуглавого Орла к красному знамени", описывая встречу молодого корнета Саблина с распропагандированной революционерами молодежью. Но это нисколько не умаляет вину Толстого в его стремлении разложить дух русской армии, и можно только с ужасом представить себе, что стало бы с Россией, если бы российские воины последовали **его советам и призывам** в обеих "памятках".

В "Солдатской памятке", по поводу участия войск в подавлении рабочих и студенческих беспорядков, Толстой задает солдату вопрос: "Что тебе делать?" и сам на этот вопрос отвечает: "Ты опустишь ружье и откажешься стрелять в своих братьев". Нужно быть архинаивным или архинедобросовестным человеком, чтобы не знать — или притворяться, что не знаешь — КТО стоял за спиною бастовавших в то **время рабочих,** КТО организовывал шествие рабочих к Зимнему Дворцу 9 января 1905 года, КТО руководил московским восстанием в декабре того же года. Неужели же Толстой не понимал, что если бы солдаты в этот момент отказались стрелять в бунтовщиков, то власть перешла бы в руки как раз тех революционеров, которых он сам же осуждал, в результате чего произошло бы уже тогда то, что случилось на 12 лет позднее, и уже тогда настало бы царство поругания человеческой личности, царство того безбожия и марксистского фанатизма, против которых он с таким жаром сам восставал?

Но этого мало. В "Солдатской памятке" Толстой поучает солдата далее: "Тебе надо одуматься и спросить себя, что такое то звание солдата, которое довело тебя до того, что ты должен стрелять в своих безоружных (?!) братьев?" А когда солдат над этим задумается, то поймет, что "тебе нельзя было и присягать в том, что ты будешь делать всё, что прикажут тебе люди". Ибо "сама присяга есть грех". "И потому нельзя повиноваться людям, если они велят тебе убивать людей. Так что, **убивая по приказанию** начальства, ты

точно такой же убийца, как тот разбойник, который убивает купца, чтобы ограбить его". "И потому, если ты действительно хочешь поступить по-Божьи, то тебе надо сделать одно: свергнуть с себя **постыдное и безбожное звание солдата** (подчеркнуто мною.Н.П.) и быть готовым перенести все страдания, которые будут налагать на тебя за это".

Но если "нельзя повиноваться людям, если они велят тебе убивать людей", то, спрашивается, что же должна была делать Русская Армия в момент вторжения немцев в 1914 году? Сложить оружие? Отдать своих родных и близких и всю свою Родину во власть "расы господ", как "навоз" для удобрения их колонизационных и культуртрегерских стремлений? При всем нашем нежелании оскорблять память умерших, невозможно не присоединиться к тому ближайшему окружению Толстого, которое, по словам проф. Н. Н. Алексеева ("В бурные годы", Новый Журнал, кн. 55), "считало, что он просто сошел с ума".

Еще лучшие перлы толстовской практической "философии" мы находим в "Офицерской памятке". Указывая в ней на то, что "главное и постоянное употребление войск в наше время состоит уже не в воображаемой защите от неверных и вообще внешних врагов и не от злодеев бунтовщиков, врагов внутренних, а в том, чтобы убивать своих безоружных братьев, которые вовсе не злодеи, а смирные и трудолюбивые люди, желающие только того, чтобы у них не отнимали то, что они зарабатывают", Толстой делает из этого следующий вывод: "Так что военная служба в наше время — уже не только не благородное, но прямо **подлое дело**".

"Ведь что составляет занятие всех офицеров? Оно состоит в достижении двух целей: в обучении солдат наилучшим образом убивать людей и приучении их к такому послушанию, при котором они механически, без рассуждения делали бы все то, что им прикажет начальник".

"И вот, к вам, офицерам, приходит из семьи юноша с полной покорностью и надеждой, что вы научите его всему хорошему. Вы же, вместо того, чтобы освободить его от тех суеверий, которые он принес с собою (из них главное — обманная, запрещенная Евангелием присяга), прививаете ему еще новые, самые бессмысленные, грубые и вредные суеверия: о святости знамени, о почти божеском значении и царя, об обязанности безоговорочного подчинения начальству.И когда вы с помощью выработанных в вашем деле приемов одурения людей доводите его до положения хуже животного, такого, когда он готов убивать всех, кого велят, даже своих безоружных братьев, — вы с гордостью показываете его начальству и получаете за это благодарности и награды. Самому быть убийцей ужасно, но хитрыми и жестокими приемами довести до этого своих доверившихся вам братьев — есть самое страшное и преступное. И его-то вы совершаете и в этом состоит вся ваша служба. Неудивительно, что среди вас, больше, чем во всякой другой среде, процветает все то, что может заглушить совесть: курение, карты, пьянство, разврат, и чаще всего бывают самоубийства".

"Неправда, что вы озабочены поддержанием существующего порядка: вы озабочены только своими выгодами".

"Вы всегда можете выйти из вашего положения. Забудьте, что вы офицер, и вспомните, что вы человек, и выход из вашего положения сейчас же откроется вам. Выход этот, самый лучший и честный, состоит в том, чтобы, собрав часть, которой вы командуете, выйти перед нею и попросить у солдат прощения за все то зло, которое вы им сделали, обманывая их, и перестать быть военным".

Я не знаю, спросил ли в то время кто-нибудь Толстого, что стало бы с Россией, если бы все полковые, ротные, эскадронные и прочие командиры приняли всерьез его совет и последовали бы ему? Все это было бы смешно, если бы не было так грустно и если бы не способствовало тому, что в нашей интеллигенции, под влиянием столь глубокомысленных писаний Толстого, выработалось враждебное и совершенно лживое представление об офицерстве и его социальной роли в жизни страны. А если к этому прибавить еще высказанную им в "Войне и мире" мысль о том, что военная служба есть идеальная профессия в смысле праздности, то просто поражаешься тому, как мог Толстой, сам бывший в свое время офицером, высказывать такие совершенно клеветнические утверждения по адресу офицерства? Неужели же он не знал, сколько времени. сил, нервов и труда отнимало у офицера добросовестное выполнение им его служебных обязанностей, какой тяжелый груз многочисленных обязательств лежал, например, на ротном или эскадронном командире, на фельдфебеле и даже на взводном? И прямым оскорблением является высказывание Толстого о "выгодах" офицерского звания. Разве он не знал, в каком тяжелом материальном положении находилось то подавляющее большинство русского офицерства, которое не имело никаких доходов, кроме своего жалкого жалованья?

А было когда-то в жизни Толстого время (1853 г.), когда он совершенно иначе расценивал роль и значение офицера. В той же книге "Отец" А. Л. Толстой мы читаем следующее: "Соприкасаясь с солдатами, вглядываясь в их психологию и задатки этих геройски самоотверженных, простых, подчас талантливых людей, в Толстом назревала мысль об их развитии. Эта задача переплеталась в его воображении и мыслью о поднятии патриотического духа в армии. Вместе с группой культурных офицеров Толстой организовал общество распространения просвещения среди военных. В первую очередь решено было издавать журнал, в который должны были войти статьи "описания сражений, не сухие и лживые, как в других журналах, подвиги храбрости и некрологи хороших людей, и преимущественно "темненьких", военные рассказы и солдатские песни. Решено было просить Государя о разрешении издавать военный журнал".

Невольно напрашивается мысль, что сказал бы Толстой и та группа культурных офицеров, которая около него группировалась в целях решения этих благородных и возвышенных задач, если бы в этот момент им кто-нибудь дал почитать нечто подобное вышеупомянутым двум "памяткам". Думаю, что автору этих "произведений" пришлось бы не совсем хорошо. И думаю также, что будь автором не только этих "памяток", но и всех религиозно-философских произведений Толстого не человек, не так давно написавший "Войну и мир" и "Анну Каренину", "Севастопольские рассказы" и "Казаков", а какой-нибудь никому неизвестный автор, то он вызвал бы только презрительную насмешку или даже жестокие издевательства со стороны тех самых людей, которые узрели в этих писаниях нечто гениальное и непревзойденное только потому, что под ними стояла подпись Толстого. Именно в этом лежит центр тяжести того духовного разлагающего влияния, которое оказали на многих русских людей и в особенности на неискушенную и неопытную молодежь все эти мудрствования "великого и маститого Льва", как его величал один из его поклонников. Это так понятно: прочтя его блестящие литературные творения, где так тонко анализируются глубины души человеческой, преклонившись перед этим несомненно гениальным литературным творцом и читая вслед за тем его рассуждения по самым больным мучительным и глубоким вопросам нашего бытия, духовного и социального, как мог средний русский человек, в особенности молодой, не сказать себе: **такой** великий писатель, **такой** великий знаток человеческих душ не может быть неправ, не может не быть подлинным учителем жизни! — И многие соблазнились!

А потому хочется в заключение сказать, что самый верный приговор произнес сам себе Лев Толстой, когда он — хотя и по адресу других писателей и мыслителей — сказал: "Какой ужасный вред авторитеты, прославленные великие люди, да еще ложные!"

Н. Потоцкий

Продолжается подписка на ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

НАША СТРАНА

основанную И. Л. Солоневичем под редакцией Вс. Дубровского

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА

Аргентина 6 песо
САСШ и Канада — 30 цент.
Бразилия — 18 крузейро
Венецуэла — 1 боливар
Парагвай — 10 гуарани
Уругвай — 1 ур. песо
Чили — 100 чил. песо
Австралия — 1 ш. 3 пен.
Англия — 1 ш. 3 пенса
Бельгия — 10 белг. фр.
Германия — 75 пфен.
Голландия — 0.65 гульд.
Греция — 4 драхмы
Марокко — 75 нов. сант.
Франция — 75 нов. сант.
Швейцария — 1 шв. фр.

ПО ВОЗДУШНОЙ ПОЧТЕ

Аргентина — 7 песо
САСШ и Канада — 35 цент.
Бразилия — 20 круз.
Венецуэла — 1.25 болив.
Парагвай — 12 гуарани
Чили — 150 песо
Австралия — 2 ш. 6 пен.
Англия — 2 ш. 6 пенсов
Германия — 1 нем. марка
Голландия — 1 гульд.
Греция — 8 драхм
Италия — 200 лир
Франция — 1.15 нов. сант.

В розничной продаже и при подписке — цена номера одинакова.

Подписную плату просим вносить не менее чем за 10 номеров вперед.

К. Николаев

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. П. ЧЕХОВА

"Мы все у Бога приживалы"
А. Чехов. "Дядя Ваня".

Антон Павлович Чехов родился в бедной семье в Таганроге 17-го января 1860 года, скончался 2-го июля 1904 года в шварцвальском коророте Баденвейлере.

"Так же тихо, как жил, так же спокойно и умер". "Выпил бокал шампанского, как велел доктор, отвернулся к стене, сказал доктору тихо — "Их штербе". — "Я умираю и умер".

Жизни ему было дано сорок четыре года.

Гигантские творения Л. Н. Толстого "Война и мир" и "Анна Каренина" закрывают личность творца, Л. Н. Толстой, как человек открывается много позже, как проповедник и учитель, отходит от правды жизни, думая что правду нашел и странником уходит из жизни.

Антон Павлович весь в своих творениях, творения не перед ним, а за ним.

"Беспристрастным свидетелем прошел он через конец XIX и начало XX века и для изучения русской жизни в эту эпоху все написанное Чеховым такой же документ, как летопись Нестора — для изучения начала Руси" (Е. Замятин).

Читая и вникая в его творения — рассказы и пьесы — мы видим их творца и видим нам близкого, нас понимающего, нам родного. Жизнь берется, как она есть, как она дарована нам нашей русской судьбой. Он связан не только с русским бытом, но и с бытием русского и вообще всякого человека. Чехов служил русскому человеку и не отрицал России. Он ее любил. — Он служил той правде Божией, которая неотрывна от души русского человека и эта, ныне потерянная правда, найдет себя.

В удивительной "Степи" мальчика Егорушку везут учиться в большой город. Едут втроем в бричке — дядя мальчика Кузьмичев, священник о. Христофор и сам Егорушка. Довезли Егорушку куда нужно — вот и все. О. Христофор Сирийский, маленький длинноволосый старичек, в сером парусиновом кафтане, в широкополом цилиндре и в шитом цветном поясе. Егорушку он поддерживает и укрепляет: "Ломоносов также вот с рыбарями ехал, однако, из него вышел человек на всю Европу". Расставясь с Егорушкой совсем, о. Христофор его наставляет: "Ты только учись, да благодати набирайся, а уж Бог укажет, кем тебе быть".

Чехов учился у жизни и Бог указал ему путь творческой радости и славы. И дальше говорит о. Христофор: "Счастливей меня во всем городе человека нет... Грехов только много, да ведь один Бог без греха. Ежели бы, скажем, царь спросил: "Чего тебе надобно? Чего хочешь?" Да ничего мне не надобно. Все у меня есть и слава Богу".

Вот Липа "В овраге", ребенка которой от злобы обварила Аксинья, в дороге спрашивает старика "из Фирсанова": "Зачем маленькому мучиться, когда у него нет грехов? Зачем?"

"А кто ж его знает", — ответил старик. — "...Всего знать нельзя, зачем да как. Птице положено не четыре крыла, а два, потому что и на двух летать способно; так и человеку положено знать не все, а только половину или четверть. Сколько надо ему знать, чтобы прожить, столько и знает".

Это понимал старик "из Фирсанова", это понимал Чехов, а вот современный человек не понимает — от большого ума. Знает многое и все узнать хочет — а жизни нет — "потому человеку положено знать не все".

На все у Чехова есть ответ — по-Божески и по простоте — по-"мужицки".

Астров ("Дядя Ваня") думает о тех, кто будет жить после нас и вот те, "для которых мы теперь пробиваем дорогу, помянут ли нас добрым словом? Нянька, ведь не помянут?"

Нянька отвечает ему:

"Люди не помянут, зато Бог помянет".

Так же как "нянька" всех утешает и согревает и мать Чехова Евгения Яковлевна и сестра ее Феодосья Яковлевна и сестра Маша и все, почти все русские матери, сестры, жены.

Ольга Книппер, жена Чехова — молодая, обаятельная, чувство ее разгоралось тогда, когда жизнь любимого человека погасала. И не отошла, а в последнюю минуту при нем была. Была "Оля — радость моя". И проводив ее в Москву из Крыма, тоскует: "Прощай, да хранят тебя силы небесные, ангелы хранители. Прощай, девочка хорошая".

Тоска Чехова о жизни и счастьи людей — это вечная тоска совестливых русских людей. Это русская обреченность.Возвращаясь из поездки на Сахалин и объезжая вокруг света, проехал Цейлон — место, где был Рай. Красное море, хотя и унылое, но ведет к Синаю: "Я умилился на Синай. Хорош Божий свет. Одно только не хорошо: мы. Как мало в нас справедливости и смирения" (Зайцев).

"В пятницу на Страстной студент Духовной Академии рассказывает бабам у костра, что происходило две тысячи лет тому назад в этот вечер в Иерусалиме, во дворе Первосвященника — отречение Петра, петух, трижды возглашающий, слезы Апостола. Когда простые бабы, слушая рассказ о Спасителе и апостоле Петре, заплакали, с ними плакало и сердце самого Чехова. Этой весной 1894 года ему открылось (явно), что "правда и красота, направлявшие человеческую жизнь там в саду во дворе Первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, повидимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле".

"Студент" был напечатан 16-го апреля 1894 года в "Русских Ведомостях", либеральной газете нашего детства — по ней мы учились читать. Вероятно, с недоумением читали этот рассказ интеллигенты с бородками клинышком, честные курсистки и благородные статистики в земствах" (Б. Зайцев).

"Простой веры" не было у самого Чехова и по ней он бессознательно тосковал. "Его действенный и живой Бог, живая идея была — человеколюбие". Так думает Б. Зайцев (Чехов. Литературная биография). "Бога церковного Чехов потерял еще в юности, — так рассуждает Е. Замятин, — потерявши церковную религию, какую-то другую Чехов нашел еще не скоро: он долго жил без всякого Бога, без всякой веры". Ничего этого не было, все это приписано Чехову во имя либерального канона.

У Чехова была "простая вера", ощущение живого Бога и этим пронизаны все его творения, и вся его жизнь.

Вдумайтесь в конец совершеннейшего произведения "Архиерей". "А он уже не мог выговорить ни слова, ничего не понимал, и представлялось ему, что он, уже простой обыкновенный человек, идет по полю быстро, весело, постукивая палочкой, а над ним широкое небо, залитое солнцем, и он свободен теперь, как птица, может итти, куда хочет".

"Шел он, конечно, просто к Богу", — говорит Б. Зайцев в прямое противоречие своим же собственным мыслям.

А. П. Чехов в конце своего пути тоже шел прямо к Богу. И всегда был с Богом.

К. Николаев

ТИРАЖ "НАШЕЙ СТРАНЫ" ДОЛЖЕН НЕПРЕРЫВНО РАСТИ — ДАЙТЕ ЕЙ НОВЫХ ПОДПИСЧИКОВ!

ДЕНЬ СВИДЕТЕЛЬСТВА И МОЛИТВЫ ЗА ГОНИМЫХ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ

День 28 ноября 1959 года будет, возможно, отмечен, как историческая дата в жизни Франции, как день нового отношения и реального сопротивления зловредным учениям атеистического лживого коммунизма.

Взаимное понимание и братская любовь объединила в этот день тысячи французов и представителей народов, находящихся за "Железным Занавесом", которые испытали на себе все "прелести" этого учения.

На этот раз не бряцанием оружия, угрозами или теоретическими зажигательными речами был дан отпор идеям и действиям коммунизма, а глубоким почтительным молчанием, свидетельством о страданиях и молитвой о спасении страждущих от коммунистической власти народов, и об ограждении от него еще свободного мира.

Несколько сот тысяч листовок в течение двух недель были розданы во всех уголках Парижа и его предместьях с призывом явиться на молитвенное собрание на холме Монмартра.

Отметим, что географически место это было выбрано неспроста. Еще в римскую эпоху холм этот, называемый холмом Марса, был местом смерти за Христа первых христианских мучеников. В 272 г. у самого подножья холма был обезглавлен первый епископ Парижа (тогда Лютеции) св. Дионисий и его первые последователи. Так холм Марса сделался холмом Мучеников, о чем напоминает нам само наименование "Мон-Мартир", "гора Мучеников". Тут же, в 1871 году были расстреляны первые жертвы Парижской коммуны.

В дальнейшем на этом холме был выстроен храм — la basilique du Sacré-Coeur.

Задолго до указанного часа сбора, в 21 ч. 30 м., небольшая площадь у подножья холма и все прилегающие к ней улицы были заполнены молчаливой многотысячной толпой, среди которой виднелись высоко поднятые белые кресты, на которых значились надписи: наименования тех стран, которые страждут под пятой безбожной коммунистической диктатуры.

Ровно в назначенное время многотысячная толпа, соблюдая гробовое молчание, двинулась за теми, кто нес кресты, окруженная со всех сторон французской молодежью, несшей сотни зажженных факелов.

Нельзя не отметить этого торжественного пути к базилике, по крутой лестнице, на высоту более 100 метров от уровня Сены.

У подножия базилики, где у главного входа был воздвигнут громадный белый крест, была произведена своего рода перекличка всех крестов.

Двенадцать крестов, один за другим, выстроились на высотах холма первых христианских мучеников лицом к горящему внизу многомиллионными огнями Парижу.

"Россия, принимая мученические страдания за Христа, объединяется с Христом", — эти слова, произнесенные диктором в громкоговоритель, пронеслись над собравшимися и унеслись вдаль.

Белый крест с надписью "Россия", за которым несли трехцветный русский национальный флаг, медленно вышел из толпы, окруженный группой русских людей всех возрастов — от детей до стариков.

Таким же порядком проходили кресты Болгарии, Румынии, Венгрии, Югославии, Албании, Польши, Китая, Кореи, кончая крестом с надписью "Восточная Германия".

После прочтения всеми присутствовавшими французами молитвы "Богородице Дево, радуйся" все кресты были внесены в храм и выстроились у подножия алтаря. Организаторами были произнесены несколько слов, пропеты молитвы и перечислены подробно страдания каждого народа.

Так, быть может впервые, в католическом храме, в сердце Франции и во всеуслышание, перед Парижем, Францией и, возможно, и всем миром, был засвидетельствован крестный путь русской Православной Церкви.

Крестный путь Русской Православной Церкви можно обрисовать следующими цифрами *):

68 замученных епископов; 170.000 духовенства и иных служителей Церкви и бесчисленное количество умученных за веру мирян.

Этот цифровой перечень произвел большое впечатление на присутствовавших, так как после каждой произнесенной цифры по храму проносился коллективный вздох, и чувствовалось поистине молитвенное сострадание.

В 23 ч. 30 м. всем присутствовавшим католикам было предложено отстоять ночную мессу, причаститься и помолиться за все страдающие народы, за христианских мучеников, а также о вразумлении гонителей.

Упомянем в заключение, что все это духовно-молитвенное собрание было организовано молодыми силами, французской организацией, которую по-русски надо назвать "Братством помощи преследуемым за веру", при содействии французского "Союза для защиты угнетенных народов", где русская секция приняла в огранизации этого шествия немалое участие.

("Русская Мысль" 5 дек. 1959). **А. Т.**

*) Цифровые данные приведены на основании документальных данных, а потому они являются минимальными.

ЗУБНОЙ ВРАЧ
Dra. PISAREDICH de HORNBAIN
Доктор медицины с дипломами двух университетов: Бухарестского и Розарио (говорит по-русски).
Лечение и удаление (без боли) и протезирование зубов.
Прием ежедневно от 15 до 20 час.
Boulogne Sur Mer 541
p. 2, dpto. H
Capital T. E. 88-3605
(Один квартал от станции субтеранео "Пуэйрредон" по линии Федерико Лакросе).

Жан Ситуаян

ОПЫТ ГЛУП

(Маленький фельетон)

Говорят: опыт учит. Неверно. Опыт глуп и поэтому ничему научить не может. Доказать это не трудно, покопавшись немного в истории.

Карл XII хотел оторвать казаков от России и пропал под Полтавой. Наполеон, на пути в Москву, думал оторвать мужиков от крепостнической России, не оторвал и пропал, как швед под Полтавой. Хитлер хотел разорвать русский народ и пропал, как швед под Полтавой. Опыт говорит: нельзя оторвать, разорвать. А американский сенат и конгресс говорят: давайте разорвем! Опыт ничему не научил. Ну, и пропадут, как швед под Полтавой.

"Неделя плененных наций"—одобряю. Очень гуманно. Но и туманно. Например: Армения — половина ее советская, а половина турецкая; так вот, насчет турецкой, как понимать? Тоже плененная? А Турция-то наш союзник. Во-вторых, Азербейджан — две трети советских, а одна треть персидская. А Персия-то наш союзник. Нехорошо выходит.

А какая это плененная нация — Казакия? Всему миру известно, что казаки были в России на привилегированном положении, а теперь оказывается, что они плененные. И как это в "плененные" нации попал народ Идель-Урала? Это ведь скорее название какого-либо продукта, как Кока-Кола. Кто-то подшутил над американским парламентом. Такие шутки бывают. Один публицист писал в России об индейском племени "ицкасруллейбас", а оказалось, что он пишет об евреях. Шутка антисемитская. А "идель-урал" шутка, надо думать, антипарламентская.

Но это пустяки. А вот политика расчленения русского народа дело серьезное. Трагично, что парламент САСШ впал в такую ошибку. Трагично и непонятно... Тут жена меня перебила: "И очень даже понятно. Что с ваших парламентов требовать? А вот, как Айзенхауэр не досмотрел?"

Замечание недемократическое, но не глупое. Действительно, Айзенхауэр ошибку сделал, подписавши прокламацию о намерении раздробить русский народ, оторвавши от него украинцев, белоруссов, казаков. Я возмущен. Не из симпатии к России, а из антипатии к пренебрежению историческим опытом. И возмущенный, пишу прокламацию в пандан к Айзенхауэровой, копируя ее стиль и слог:

"Так как много наций в Америке оказались в плену из-за империалистической и агрессивной политики англо-саксонского американизма — ирокезы, апабаски, шошоны, тлингит, хаида, сиу, дакота, вичита, калифорнийские испанцы, луизианские французы, тексасские мексиканцы, эскимосы, порториканцы, гавайские канаки, негры, а также меньшинства (новоселенцы) германское, польское, итальянское, русское и еврейское (хотя в Нью Иорке оно не меньшинство, а большинство), японское, филиппинское, ирландское (хотя все ирландцы служат в полиции) и

так как все эти народы лишены национальной независимости и

так как своевременно и уместно показать, что чаяния независимости этих наций справедливы,

то я объявляю "День Независимости Соединенных Штатов" отныне "Днем наций, плененных Соединенными Штатами" и призываю народы Соединенных Штатов отметить этот день подобающими церемониями и выступлениями". Подписал **Жан Ситуаян.**

Контора газеты "Наша Страна" очень просит г.г. подписчиков, имеющих возможность внести подписную плату за полгода или за год вперед, сделать это незамедлительно.

НА ОКЕАНЕ
В ПОСЕЛКЕ - ПАРКЕ "ЛЮСИЛА"
(около Мар де Ахо)
ДЕШЕВО СДАЮТСЯ КОМНАТЫ БЕЗ ПАНСИОНА
Справляться в Библиотеке Русского Дома в Вижа Бажестер по вторн., четв. и субботам от 18 до 21 час.
(Телеф. 758-0045)

тью, карающую за нелегальный
авшую в те времена максимум
пользовало вовсе.
й не верит по той простой при-
им статьям в с е р ь е з, по-
или, выражаясь официальной
" и едут в Соловки без всякой

8-летний срок заключения яв-
м симптомом вздорности всего

жет не знать, что статьи совет-
иваются" вообще кому попало
статья найдется"...
ий. Он боится не того, что я
прочее — для спартакиады это
боится, что я просто не очень
там на воле я сорвался на ка-
этот проступок не предусмотрен
ло мне ГПУ первые попавшиеся

ей, которая Успенского беспо-
ртакиадской халтурой — Успен-
, но ему-то от этого какое уте-

ная нехватка у меня халтурной

сижу за "связь с заграницей"
й факт отметает последние по-
ы:
ич, — говорит Успенский, под-
провернете на большой палец.
о снижение срока на половину.
что я не собираюсь сидеть не
своего срока... Я сдержанно
благодарю. Успенский снова смотрит на меня пристально в упор.

— Да, кстати, — спрашивает он, — как ваши бытовые условия? Не нужно ли вам чего?

— Спасибо, тов. Успенский, я вполне устроен.

Успенский несколько недоверчиво приподнимает брови.

— Я предпочитаю, — поясняю я, — авансов не брать, надеюсь, что после спартакиады...

— Если вы ее хорошо провернете, вы будете устроены блестяще... Мне кажется, что вы ее... провернете...

И мы снова смотрим друг на друга глазами жуликоватых авгуров.

— Но, если вам что-нибудь нужно — говорите прямо.

Но мне не нужно ничего. Во-первых, потому, что я не хочу тратить на мелочи ни одной копейки капитала своего "общественного влияния", а во-вторых, потому, что теперь все, что мне нужно, я получу и без Успенского...

ВВЕДЕНИЕ В ФИЛОСОФИЮ ХАЛТУРЫ

Теперь я передам, в чем заключалась высказанная и невысказанная суть нашей беседы.

Само собой разумеется, что ни о какой мало-мальски серьезной постановке физической культуры в концлагере и говорить не приходилось. Нельзя же в самом деле предлагать футбол человеку, который работает физически по 12 часов в сутки, при ясно недостаточном питании и у самого полярного круга. Не мог же я в самом деле пойти со своей физкультурой в девятнадцатый квартал?.. Я сразу намекнул Успенскому, что уж эту-то штуку я понимаю совершенно ясно — и этим избавил его от необходимости вдаваться в не совсем все-таки удобные объяснения.

Но я не собирался ставить физкультуру всерьез. Я только обязался провести спартакиаду так, чтобы в ней была масса, были рекорды, чтобы спартакиада была соответствующе рекламирована в московской прессе и сочувствующей иностранной, чтобы она была заснята и на фото-пластинки, и на кино-пленку — словом, чтобы urbi et orbi, и отечественной плотве, и заграничным идеалистическим карасям воочию, с документами на страницах журналов и на экране кино, было показано: вот как советская власть заботится даже о лагерниках, даже о бандитах, контрреволюционерах, вредителях и т. д. Вот как идет "перековка". Вот з д е с ь — правда, а не в "гнусных буржуазных выдумках" о лагерных зверствах, о голоде, о вымирании...

"L'Humanite", которая в механике этой халтуры не понимает ни уха, ни рыла, будет орать об этой спартакиаде на всю Францию — допускаю даже, что искренно. Максим Горький, который приблизительно также, как я и Успенский, знает эту механику, напишет елейно-проститутскую статью в "Правду" и пришлет в ББК приветствие. Об этом приветствии лагерники будут говорить в выражениях, не поддающихся переводу ни на один иностранный язык: выражениях, формулирующих те предельные степени презрения, какие завалящий урка может чувствовать к самой завалящей, изъеденной сифилисом, подзаборной проститутке. Ибо он, лагерник, он-то знает, где именно зарыта собака, и знает, что Горькому это известно не хуже, чем ему самому...

О прозаических реальных корнях этой халтуры будут знать все, кому это надлежит знать — и ГПУ, и ГУЛАГ, и Высший Совет Физкультуры, и в глазах всех Успенский будет человеком, который выдумал эту комбинацию, хотя и жульническую, но явно служащую к вящей славе Сталина. Успенский на этом деле заработает некоторый административно-политический капиталец... Мог ли Успенский не клюнуть на такую комбинацию? Мог ли Успенский не остаться довольным нашей беседой, где столь прозаических выражений, как комбинация и жульничество, конечно, не употреблялось en toutes lettres и где все было ясно и понятно само собой...

Еще довольнее был я, ибо в этой игре не Успенский использует и обставит меня, а я использую и обставлю Успенского... Ибо я точно знаю, чего я хочу. И Успенский сделает почти все от него зависящее, чтобы, сам того не подозревая, гарантировать максимальную безопасность моего побега...

Дневник наблюдателя

БЕЗ ПЕРЕМЕН

На страницах "Таймса" с воспоминаниями выступил м-р Иден. Он заявляет, что, если бы не он, то уже давно была бы война. Когда большевики в 1954 году осаждали французов в крепости Дьен-Бьен-Фу, то их союзники, англичане и американцы, должны были помочь Франции. Иден говорит, что покойный Даллес хотел дать французам помощь при условии, что помогут и англичане. Но Иден мудро предвидел, что стоит помочь французам в Дьен-Бьен-Фу, как вмешается Красный Китай, за ним СССР и тогда начнется Великая Третья Мировая. Поэтому Иден отказался посылать помощь своим союзникам, французам, Даллес не решился действовать без Англии, французы на Дальнем Востоке остались без помощи, крепость Дьен-Бьен-Фу была сдана, большевикам были сделаны уступки и война не началась. Итак, м-р Иден предал своего союзника, французов, и по этому поводу приписывает себе историческую заслугу: сохранение мира во всем мире.

Быть может, появление воспоминаний Идена в "Таймсе" есть показатель? "Дэйли экспресс" и "Сандэй экспресс" пишут касательно Берлина и Зап. Германии, что войну начали немцы, что они ее проиграли и что Англия вовсе не заинтересована отстаивать целостность Германии, если это связано с риском Третьей Мировой войны. Читай: если Хрущев хочет взять Зап. Германию, то надо ему ее отдать, во избежание Третьей Мировой войны, а на свободолюбие немцев из Шенеберга (часть в Зап. секторе Берлина), о котором так заботился Айзенхауэр, — на-пле-вать! Таковы намеки английской прессы. Поэтому нам и показалось знаменательным появление воспоминаний Идена.

Есть частные комментаторы, в этом смысле понявшие и неожиданную волну антисемитизма, или, точнее, реакцию ею вызванную. А именно: возникло предположение, что волна антисемитизма вменяется в вину Зап. Германии, чтобы направить на нее гнев общественного мнения и тем самым подготовить почву для сдачи ее Хрущеву на предстоящей "вершинной конференции". В этой связи, конечно, обращает на себя внимание неожиданное молчание Хрущева. Он, на весь мир кричавший о своих требованиях насчет соединения Германии под властью Гротеволя, назначавший даты, когда от слов перейдет к делу, т. е. к применению военной силы, после "Кэмп Дэвида" вдруг замолк! Вот и полагают, что замолк, де, потому, что Айзенхауэр обещал отдать ему и Зап. Берлин и Боннскую республику. Насколько верны прогнозы "местечковых спекуляторов", — мы судить не беремся. Записываем наблюдения, и только. Время покажет.

Что же касается самой волны антисемитизма, то, под давлением осуждения, раздавшегося со всех сторон, под давлением строгих мер преследования, предпринятых в Зап. Германии и в других местах, она стала отступать.. Резкие осуждающие резолюции против антисемитизма были вынесены и в Ватикане и в Конгрессах ряда демократических республик, в том числе и в Аргентине. Особенно решительно стали действовать в Англии. Там обсуждается вопрос об установлении закона, по сути которого преследовалась бы всякая тенденция преследования евреев. (Безотносительно антисемитизма). Надо заметить, что в Англии все еще жива старая вражда между англичанами и немцами, вражда, которую не изжить в течение долгого времени и которую могут понять только немцы и англичане, причем ни те, ни другие объяснить ее не могут. "Готт, бештрафе ден энглендер!" — говорит немец кстати и некстати.

"Старый спор славян между собою,
Ненужный, старый спор..."

Итак, в Англии — расовая ненависть к немцам за их расизм! В ряде предприятий в Англии уволены от службы все немцы! Другие предприятия аннулируют все заказы, сделанные фирмам в Зап. Германии.

Как бы то ни было, факт налицо: волна антисемитизма спадает и можно надеяться об этом позорном явлении скоро можно будет забыть.

Но вернемся к теме. Когда СССР объявил, что хочет бросать атомные мячики в Тихий океан, то в Америке послышались возмущенные голоса, а японцы стали жаловаться, что от этого пострадают их рыбные промыслы. С требованием протеста против опытов СССР выступали Труман и некоторые другие демократы, но Айзенхауэр решил, что причины протестовать нет, так как протест мог бы помешать и США заниматься подобными же опытами, когда возникнет надобность. Итак, СССР намерен бросать атомные снаряды из какого-то пункта в СССР с тем, чтобы они падали в Тихом океане.

Обстоятельства с этим бросанием связали очередную сессию собрания специалистов по аплодисментам вождям коммунистической партии.

В Москве состоялись заседания Верховного Совета СССР. На объединенном заседании обоих Советов, т. е. Совета Национальностей и Совета, который еще как-то называется, с "краткой" речью выступил Хрущев. Он говорил три часа и пять минут. Подобно тому, как Айзенхауэр докладывал Конгрессу США о состоянии Союза, так же точно о состоянии Союза докладывал Верховному Совету и Хрущев.

Центральным пунктом речи было демобилизация и разоружение. СССР наготовил столько атомного оружия, а его достижения в этой области так превосходят все достижения Америки и других стран, что он может позволить себе демобилизацию 1.200.000 человек из рядов армии. Он вызвал Америку на прекращение атомных испытаний. Если демобилизация части армии будет сделана односторонне, то в других отношениях **ожидается**, как Америка будет реагировать. Говорил Хрущев и о своей надежде разрешить все проблемы Холодной войны на Парижской конференции в мае. Сказал, что принял приглашение посетить Индию, Бирму, Афганистан... После этого он перешел к внутренним делам.

Советская промышленность, по его данным, развивается быстрее американской. "Теперь, когда мы успешно разрешаем задачу догнать и перегнать США в выпуске продукции на единицу!!. За те годы, когда СССР сделал развитие на 90%, США — только на 11%. "1959 год войдет в историю, как первый год широкого построения коммунистического общества в СССР".

На 1-ый год выполнения 7-летнего плана, показатели промышленного плана поднялись на 11%, вместо ожидавшихся 7,7%; по потребительским товарам — на 10,3% вместо 6,6%. По плану капитального строительства поступило в эксплуатацию более 1.000 крупных предприятий. Производительность труда, поднялась в промышленности на 7,4% и на строительстве — на 9%. Хрущев говорил также, что более 13.000.000 рабочих перешли на 7-ми и 6-часовой рабочий день без уменьшения заработной платы. Похвалился Хрущев и успехами в области образования. Если Америка выпустила в 1958 г. только 35.000 инженеров, то в СССР их выпущено 90.000. Особенное достижение Хрущев отметил в области науки. В СССР на научной работе находится 300.000 человек, а при царях было только 10.000 человек. Какого именно царя Хрущев имел здесь в виду, не указано. Было ли это при царе Александре III, или же при царе Иоанне III?.. (Известен доклад политрука, указывавшего, что при царе радио не было, а большевики, вот его устроили!).

Советский обыватель привык слушать доклады вождей. Его не удивляют никакие цифры, никакие достижения. Жизнь, происходящая вокруг, ему говорит гораздо больше. Он послушает, что говорит Хрущев, свистнет, сплюнет и дальше тянет лямку. Но за-границей найдутся чудаки, способные поверить. Пропаганда ведь действует! Поверят и тому, что теперь уже не стало террора.

Дело в том, что в СССР снова произошло переименование. НКВД, то бишь министерство внутренних дел — МВД, ликвидировано. Национальным республикам дано право суда по уголовным делам. (До сих пор юстиция была объединена всесоюзным управлением). Услышав о ликвидаци МВД, станут думать, что отныне советская власть уж такая стала хорошая, что и сажать перестала и концлагеря распустила и больше не расстреливает. Разве не звучит убедительно: **ликвидация МВД!** Среди наших читателей найдется, однако, немало таких, кто вспомнит впечатление о ликвидации ГПУ в 1934 году. Сначала думали: "А кто же теперь будет сажать, и где будут расстреливать?" Ответа ждать долго не пришлось. Функции ГПУ перешли к НКВД и к последующим наследовавшим учреждениям — МВД, УГБ, СМЕРШ и т. п. — будь они прокляты, эти заведения, превращающие человека (чекиста) в зверя. Недолго и теперь придется ждать, пока узнается, в чьи руки перешли функции цербера революции и палача свободы и правды.

Верховный Совет одобрил мысль Хрущева и решил сократить армию на 1.200.000 чел., призвав Англию, США и Францию последовать этому примеру. Найдутся желающие. Но еще не весь мир сошел с ума. Так, на конференции по обороне Американского континента, в Вашингтоне, представитель Бразилии адм. Хорхэ да Сильва Лейтэ сказал, что от коммунизма надо обороняться не словами, а флотом, авиацией и армиями. Коммунизм, сказал он, сейчас наступает энергичнее, чем когда бы то ни было.

Хрущев говорит о разоружении, ибо в СССР разработаны ужасающей силы атомные снаряды. Их завершение, по словам Хрущева, дает в руки СССР невиданную мощь. Американские специалисты полагают, что эти атомные снаряды являются своего рода "спутниками", способными поставить в орбиту тяжелую водородную бомбу, которую по желанию благодетеля человечества можно будет бросить в любом месте мира. Если такая бомба окажется в руках Хрущева, то оправдается идея Карла Маркса. "Законы развития человеческого общества" поставят весь мир на колени . И станут ведь! Ведь у современного человека откуда возьмется охота жизнью отстаивать свободу? Уж так покорились материи, плоти, что согласятся "быть последним рабом, лишь бы жить!"

Так что, любезный читатель, не удивитесь, если Вам вновь придется услышать воспетый А. Блоком революционный лозунг: "Закрывайте етажи! Нынче будут грабежи!"

Мы живем в последние дни, когда сопротивление коммунизму и его уничтожение еще возможны. Но этих дней не так много.

И не думайте, что эта история с "етажами" возможна лишь в далекой засыпанной снегом России. Нечто подобное на днях разыгралось в Кубе, освобожденной от диктатуры Ф. Батиста и оказавшейся под диктатурой Фиделя Кастро. О том, что там день за днем идут суды над контрреволюцонерами, что там ежедневные расстрелы, уже написано довольно. Интереснее нота правительства США, в которой оно протестует по поводу незаконных мер, примененных кубинскими представителями революционной власти при национализации имущества американских граждан. Одним словом, американские граждане на о. Куба не читали Блока. "Етажи" оказались незакрытыми.

Американские землевладельцы на о. Куба думали, что по закону о национализации их земли им заплатят ее стоимость и возместят прочие убытки. На практике, судя по тексту ноты, вышло точно то же, что получилось при национализации имущества русских людей после большевистской революции. Им просто объявили, что дескать "Что было ваше, теперь стало наше!", а в иных случаях и не объявляли, а захватили имущество в отсутствие хозяев.

"Закрывайте етажи!.."

Получилось неловко. Ну, как тут не сказать, что лучше было бы, если бы американские граждане не способствовали утверждению большевизма в России!

Все еще неясно, как будут дальше развиваться события на Кубе, а пока что получается, что там — большевизм под знаменем демократии. Об этом можно судить по ответу правительства Кубы на американскую ноту. Этот ответ напоминает письмо, написанное запорожцами турецкому султану.

На очереди Боливия. Она учреждает посольство в Москве. Распускается боливианское посольство в Коста-Рике и интересы Боливии в Карибском районе будет охранять посол на Кубе. Боливианским послом в Москву назначается Герман Кирога Гальдо, только что вернувшийся из поездки в СССР, Красный Китай, Чехословакию и т. д. и т. п.

Нет ясности в известиях, поступающих из Франции. Очевидно только, что в правительстве де Голля — трещина. Уволен в отставку министр финансов А. Пинай, за ним ушел Флеше... министерский кризис. Говорят, что вскоре будет взорвана французская атомная бомба. Быть может, после этого французы успокоются?

Из Зап. Германии сообщают о постоянном нарастании волны беженцев из Восточной зоны. Если в первую неделю 1959 года их было 1.000, то за первую неделю 1960-го число перебежчиков дошло до 3.000 (трех тысяч). Слава Богу, что пока что людям хоть есть куда бежать. А вот, когда придет к тому, что бежать будет некуда?.. Позавидуешь Пикару. У него такая машина есть. Называется батискаф. На ней можно в глубину океана забираться. На семь верст!

Наблюдатель

РОЗЫСКИ

Объявления о розысках родных и знакомых принимаются непосредственно редакцией "Нашей Страны" и ее представителями на местах. Стоимость объявления, помещенного в трех последовательных номерах, 2 дол. в валюте соответствующей страны. Для Аргентины: из расчета 1 дол. — 40 песо арг.

Нина Знаменская разыскивает **Василия Знаменского** и **Александра Перевощикова** из Белграда. Имеющих сведения о них просят сообщить по адресу:

Mrs. N. Znamensky, 2053 Sutter str., apt. 101, San Francisco, Cal., U.S.A.

Елена Борисовна Дашкиева-Панова разыскивает брата **Николая**, по слухам находящегося в Аргентине. Лиц знающих о нем просят сообщить по адресу:

Mrs. Helene Panov, Benefit str. 29/I, Worcester, Mass., U.S.A.

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

NUESTRO PAIS

Organo Monárquico Ruso

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY
Monroe 4219, Buenos Aires, Argentina
Телефон 52-7426

ПРЕДСТАВИТЕЛИ

AMERICA DEL SUR:

Brasil: Leo Rubanov, Caixa postal 8405, Correio Central, Sao Paulo.
Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Correo Central, Clasificador F 456, Santiago de Chile.
Venezuela: Sr. K. Kellner, Av. Sarria 24, Quinta Coromoto (Club Ruso), Caracas.
Paraguay: Sr. A. F. Lapchinsky, M. P. O. C., Dirección General de Vialidad, Alberdi esq. Gral. Días, Asunción.

U. S. A.

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe Ave., San Rafael, Calif.
Mr. A. Klushkin, 196, 6th Ave., Apt. B, San Francisco 18, Calif.
Russian Book Store "Russ", 443 Balboa Str., San Francisco 18, Calif.
Mr. M. Maltzeff, 1332 Lucille Ave., Los Angeles 26, Calif.
The Russian National Book Store, 327 E 14th Str., New York 3, N. Y.
Allies Book Shop, 3456 Broadway, New York 31, N. Y.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 12036-90 Str., Edmonton, Alta.
Mr. A. Kostyria, 6 Argyle Str., Toronto 3, Ont.
Mr. André Alpatoff, 172, Lakeshore Drive, Montreal 33 (Dorval), Que., Tel. No. M-1-0815.

EUROPE

Belgique: Libraire et Bibliotheque Slave. 13, rue de Roumanie, Bruxelles.
France: Mr. A. Krivocheieff, "Kama" 27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine, Seine.
Westdeutschland: Herr S. Tovstoless, Hamburg - Gross - Borstel, Beerboomstücken 29/I, Wohn. 2.
Grece: Mr. Filatoff, rue Dedalou 26, Athenes.
Holland: Mej. A. Loeper, Anna Str. 1, Oosterbeek.

AUSTRALIA

Mrs. E. Parker, 28 Queen Bess Str., Buranda, Brisbane, Q-d.
Polyglot Book Depot, 256 Collins Str., Melbourne C 1
Mr. M. M. Spassovsky, 8, Richmond Str. South Wentworthville, N. S. W.